

УДК 82.0

Э.Г. ШЕСТАКОВА,
доктор филологических наук,
Донецк

ПАРАМЕТРЫ СООТНОШЕНИЯ ОКСЮМОРОНА И НОНСЕНСА

Впервые поднимается проблема основ, принципов и параметров соотношения оксюморона и нонсенса. Доказывается, что в филологической традиции именно обобщенное определение оксюморона служит для сопоставления его с аналогичными понятиями, характерной чертой которых также является алогичность, непредсказуемость, противоречивость: ирония, парадокс, абсурд и даже нонсенс. При этом непосредственно о близости оксюморона и абсурда в научной литературе прямо не говорилось. Как показал анализ, ведущими параметрами соотношения оксюморона и нонсенса могут выступать следующие: 1. Семантический объем, основа и закономерности реализации смыслового предела, граничности. 2. Роль обманутого ожидания и меры предшествующего знания. 3. Целеполагающие установки игры и процессуальности. 4. Своеобразие развития смысла. 5. Функциональная специфика взаимодействия с сигнификацией. Однако это заявленная в общих чертах проблема предполагает дальнейшее исследование.

Ключевые слова: оксюморон, нонсенс, противоречие, смысл, сигнификация.

По традиционным представлениям, оксюморон – это явление, базирующееся на идее антитетичности, алогичности, реализующееся как *семантическая дерзость* или *вызов*. Данное определение вполне отображает специфику оксюморона как тропа, но уже выявляет свою ограниченность при исследовании оксюморона как ценностной характеристики художественного целого. В последнем случае оксюморон вступает в сложные и неоднозначные отношения с пограничными ему явлениями. В итоге не всегда можно определить, что перед нами: оксюморон, ирония, парадокс, абсурд и даже в определенных случаях – нонсенс; каков характер и принципы их взаимодействия в границах одного явления. В связи с этим необходимо обратиться уже не столько к смыслу оксюморона, характер которого подробно рассматривался на протяжении всего нашего исследования, сколько к оксюморонной сущности. Это позволит провести более определенную границу между оксюморонами и традиционно соотносимыми с ним понятиями.

Сущность оксюморона обнаруживает и обнажает не только ненормативное, аномальное, но и метааномальное. Первое «работает» в категориях возможного, реального, понимаемого – не-понимаемого, сознательного – асознательного, то есть таких, в которых противоречие в оксюмороне реализуется как снятое противоречие. Второе (метааномальное) репрезентирует осуществление невозможного, метасознательного, при определении сознания как «...восприятия окружающих людей, предметов, явлений в их длительной самоидентификации, когда в осознание их настоящего бытия «вписывается», включается их бытие в прошлом и будущем...» [1, с. 5]. Оксюморон предполагает и обнаруживает такое явление, которое не имеет длительной самоидентификации и не может иметь прошлого и будущего бытия: оно осуществляется только как настоящее, постоянно сотворяемое, становящееся. Характер оксюморона асистемен, динамично разрушителен. Причем оксюморонный смысл и оксюморонная сущность также находятся в сложных взаимоотношениях: смысл может проявляться как «несуществующая сущность и поддерживать крайне специфические отношения с нонсенсом [2, с. 13]. Поэтому крайне важно учитывать эти положения, анализируя соотношения оксюморона с близко родственными ему понятиями.

Однако в филологической традиции именно общее, можно даже сказать, обобщенное определение оксюморона служит для сопоставления его с аналогичными понятиями, характерной чертой которых также является алогичность, непредсказуемость, противоречивость: ирония, парадокс, абсурд и даже нонсенс. Общность этих понятий с оксюморонами в научной литературе рассматривалась по-разному.

О соотношении иронии и оксюморона говорили многие исследователи [3–5]. При этом соотношение шло либо по чисто формальному признаку: антонимии, лежащей в основе обоих стилистических приемов, либо иронический и оксюморонный смыслы совмещались и сосуществовали вместе в границах одного явления, оксюморона, который мог употребляться для выражения иронии, т. к. «основной стилистической функцией оксюморонов следует считать функцию авторского отношения к описываемому» [4, с. 101], и «через оксюморона автору удается передать тонкую, скрытую насмешку» [5, с. 74].

О близости оксюморона и парадокса нередко упоминается в научной литературе [4; 6–11]. Существующие по этому поводу мнения можно представить следующим образом: оксюморон либо считается видом художественного парадокса [4; 8; 9], либо находится в тесной близости с ним [6], либо опосредованно соотносится с парадоксом через определенные характерные признаки [9; 10], т. к. оксюморон «нередко придает речи парадоксальный характер» [9, т. 43, с. 31]; более того, оксюморон – «это сжатая и оттого парадоксально звучащая антитеза» [10, с. 258]. При этом основой для сопоставления оксюморона и парадокса выступали только характер взаимодействия противоречий, который «очень удобен для того, чтобы показать сложную природу описываемого» [4, с. 55], а также роль противоречий в передаче динамики мышления и бытия» [6, т. 8, с. 271]. Только Н.В. Павлович указывает на принципиальные различия между оксюморонами и высказыванием-парадоксом: последнее «имеет особый синтаксис, отличный от оксюморонного...» [11, с. 239]. Таким образом, соотношение оксюморона с парадоксом идет либо по формально-логическому признаку, либо по лингвистическому, либо по чисто эмоциональной окрашенности.

О близости оксюморона и абсурда в научной литературе прямо не говорилось. Лишь Е.А. Атаева и Н.В. Павлович упоминают об опосредованной зависимости данных явлений в связи с тем, что «соединение несовместимых понятий в оксюморонных сочетаниях не воспринимается как что-то абсурдное. Каждый из компонентов сочетания приобретает дополнительный оттенок значения...» [4, с. 44–45]. Н.В. Павлович говорит о возможности пересечения абсурда и оксюморона в связи с модальностью последнего, т. к. «оксюморон может иметь только модальный смысл, обозначая абсурдность некоторой другой точки зрения на ту ситуацию, которую со своей точки зрения оценивает сам говорящий. <...> Такой смысл оксюморона часто имеют в фольклоре, в пародиях, где на абсурдность ситуации указывает контекст...» [11, с. 246]. Соотношение оксюморона и абсурда идет только за счет понимания последнего как нелепости, бессмыслицы либо как частного поэтического приема.

О близости оксюморона и нонсенса вскользь упоминает лишь С.С. Неретина [12], когда, ссылаясь на работу Ж. Делёза «Логика смысла», проводит, без какого-либо комментирования или же объяснения, а в некоторых случаях просто через дефис пишет оксюморон и нонсенс.

Однако нельзя ограничиться лишь констатацией близости иронии, парадокса, абсурда и нонсенса с оксюморонами, основываясь на чисто языковой природе данных явлений, и говорить об общности их смыслов, исходя из специфики выполняемых функций, сопоставляемых также по чисто формальному признаку: активности выражения авторской позиции, явной алогичности. Это ведет к упрощению, а то и искажению проблемы.

Ирония, парадокс, абсурд, нонсенс и оксюморон – это явления неоднородные по своей природе, которые можно рассматривать и с точки зрения поэтического языка, и с точки зрения поэтики в целом, и как определенный художественно-эстетический феномен. Более того, для понимания сути представленного явления, а также способов и методов его интерпретации как оксюморона, иронии, парадокса, абсурда, нонсенса обязательна работа не с итоговыми, данными и материально зафиксированными на текстовом уровне смыслами, а стремление проследить и выявить механизмы их порождения и осуществления в произведении, шире – во внутреннем мире художественного произведения. Смысловые пространства этих явлений имеют больше точек пересечения, точнее, их отношения носят более сложный и неоднозначный характер, чем представлено в существующей традиции.

Говоря о взаимодействиях оксюморона с иронией, парадоксом, абсурдом, нонсенсом, исследователи не разграничивали их реализации как эффекта, смысла и сущности. Это и привело к утверждениям о возможности сосуществования и/или замены этих явлений друг другом в одних смысловых границах. В связи с этим вопрос о соотношении данных явлений необходимо рассматривать с точки зрения специфики их сущности. Это предполагает иные, по сравнению с существующими, методологические позиции. Так, прежде всего необходимо прояснить понимание следующей проблемы: каково семантическое пространство иронии, парадокса, абсурда и нонсенса. Это даст возможность выделить основные параметры соотношения иронии, парадокса, абсурда, нонсенса и оксюморона как явлений взаимосвязанных и в определенной степени родственных, т. к. в их основе лежат отношения антитетичности, алогичности, непредсказуемости, неожиданности в самом широком смысле. Только после выделения основных параметров можно говорить о принципах и закономерностях соотношения иронии, парадокса, абсурда, нонсенса и оксюморона, в том числе и о правомерности соединения их смыслов в одном явлении, а также о специфике функционирования, их взаимоотношения в художественном целом. Поэтому необходимо прояснить, что понимается под иронией, парадоксом, абсурдом и нонсенсом.

В этой статье будет представлено соотношение нонсенса и оксюморона, которое может показаться еще более искусственным и чрезмерно абстрактно теоретическим, нежели соотношение абсурда и оксюморона. Тем более, что о возможности не то пересечения, не то вообще отождествления оксюморона и нонсенса, как уже отмечалось, писала вскользь лишь С.С. Неретина. Для иных исследователей оксюморона подобного рода сопоставление – это сопоставление непомерно разнородных явлений. Оксюморон, как правило, связывается с семантической дерзостью, а нонсенс, если трансформировать выражение Р. Рикера, – с семантической гибелью.

К тому же нонсенс длительное время было принято толковать излишне упрощенно, сводя к простой нелепости, бессмыслице, глупости. Только к концу XX ст. в философских работах французских постструктуралистов, особенно у Ж. Делёза, намечается тенденция серьезного отношения к нонсенсу [2; 13]. Он оказывается не просто сопрячен смыслу как его обратная, негативная сторона. Соотношение между смыслом и нонсенсом обнаруживают свою сложность, многозначность и осуществляются как «бесконечное переплетение» различных значений и уровней. Ж. Делёз говорит о нонсенсе с твердой уверенностью: «Это, что не имеет смысла, но также и то, что противоположно отсутствию последнего, что само по себе дарует смысл. Вот что следует понимать под *нонсенсом*» (курсив автора – Э.Ш.) [2, с. 104]. Нонсенс оказывается не менее значим и самостоятелен с позиции обнаружения и обнажения смысла, нежели иные, уже традиционные, явления, задающие и нормирующие смысловые отношения. Особенно это становится очевидным в семантическом пространстве аномальности. Именно поэтому необходимо, хотя бы в общих чертах и первичном приближении, установить и охарактеризовать точки пересечения и отталкивания, расхождения нонсенса и оксюморона.

Для того чтобы понять сущность нонсенса, необходимо, прежде всего, наметить тот диапазон, в котором разворачивается проблема смысла у Ж. Делёза – ведущего специалиста в области нонсенса в современной европейской культуре. При этом нужно помнить, этот диапазон не предполагает бинарных оппозиций или вообще каких-либо противопоставлений. Как специально отмечает по этому поводу М. Фуко, это именно «распределение особых точек», когда нет и принципиально не может быть центра как изначально задающего, маркирующего начала; «всегда есть лишь децентрация», но при этом и «круг должен быть отвергнут как порочный прием возвращения» [2, с. 441]. Порочность круга для Ж. Делёза и М. Фуко определяется его структурированностью, упорядоченностью, т. е. принадлежностью такому типу центра, который довлеет свободной, естественной реализацией явлений: «Мы должны отказаться от тенденции организовать все в сферу» [2, с. 441]. Ж. Делёз задает только модель мышления, которая принципиально не позволяет вещам и явлениям возвращаться, реализовываться в семантическом пространстве «прямыны» «линии». Это ризома (т. е. «волокна» и «разветвления» [2, с. 441]) из физики, метафизики, материального, реального, события, структуры, механизма, слова, тела, вещи, смеси, реакции, внутреннего, внешнего, фантазма, симулякра, «ложно централизованного органи-

ма». Вследствие этого, во-первых, намечается тенденция к преодолению или, точнее сказать, снятию (в гегелевском значении) принципов и методов «центрирующего» мышления, при котором есть привилегированный член оппозиции. В связи с этим, во-вторых, принципиально невозможно говорить о каком-либо закреплённом парном соотношении, скажем, реальное – фантазм, вещи – слова, внешнее – внутренне, событие – сущность, физика – метафизика, философско-культурные традиции – маргиналии. Абсолютно все выстраивается, осуществляется и осуществляет другое, иное как ризому, т. е. «изумительное» [2, с. 441] хитроплетение и переплетение, игру движением, а точнее, незаметной, но неумолимой сложной процессуальностью смысла. Эта сложная процессуальность и есть «способность осуществлять *переходы* между различными режимами» (курсив авторов – Э.Ш.) [14, с. 48] или семантическими пространствами и понятиями. Именно потому, в-третьих, взаимосвязанные со смыслом понятия становятся проблемами, начинают функционировать в неожиданном для них контексте.

Одним из таких понятий является нонсенс, который в таких характеристиках приближается к оксюморону. Для них обоих в равной мере не значим принцип центрации культурного мышления, они активно стремятся к его преодолению и активизации принципов и методов децентрирующего мышления, которое, собственно, и позволяет плавно и естественно совершать переходы между различными режимами, состояниями и пространствами. К тому же, и для нонсенса, и для оксюморона подобного рода артикуляция явлений позволяет преодолеть жесткую бинарность и перейти к более сложно организованным способам существования и движения смысла. Именно благодаря этому возможно следующее: *Лишь порою звон унылый, / Будто голос лени милый, / В мертвой слышится струне* (А. Пушкин); *Змеиный рай – бездонной скуки ад* (А. Блок); *Сердцу – ад и алтарь, / Сердцу – рай и позор* (М. Цветаева); *И запах тленья, животворит спасительную боль!* (М. Кузмин). В этих оксюморонах наблюдается тонкое сплетение и перетекание смыслов, где принципиально нет и не может быть центра и стабилизирующего момента. Так, *унылый звон, милая лень, мертвая струна* создают и организуют поистине ризоматическую игру движением, в результате которой невозможно определить ни ценностные акценты, ни эмоциональное настроение. Подобного рода оксюмороны построены именно на сложном строе, хитроплетении и переплетении смысла. Аналогичным образом и в других приведенных примерах наблюдается сложная процессуальность, приводящая к тому, что понятия и явления с, казалось бы, давно устоявшимися смыслами начинают активно продуцировать непредсказуемые тенденции своего развития. Однако на этом близость нонсенса и оксюморона ограничивается, т. к. нонсенс предполагает дальнейшее разложение и преодоление смысла, его своеобразное банкротство, а оксюморон стремится к углублению антитетичности и аномальности.

Нонсенс имеет особое значение, специфичное для культурной ситуации второй половины XX ст., когда становится одним из ценностных приемов артикуляции мира. Это уже не просто нелепость, бессмыслица или явление, рассматриваемое в связи с парадоксом и абсурдом. Нонсенс равнозначен смыслу. Для Ж. Делёза значимо, что они (смысл и нонсенс) не оппозиционны или антитетичны друг к другу, не находятся в ценностно-иерархических отношениях, а образуют некое единство. Именно поэтому «нонсенс обеспечивает дар смысла» [2, с. 101]. «Дар смысла» делает соотносимым нонсенс и сигнификацию, т. е. «связь слова с *универсальными* или *общими* понятиями и отношение синтаксических связей к тому, что заключено [implication] в понятии» (курсив автора – Э.Ш.) [2, с. 31]. Сигнификация – одно из важнейших условий обозначения, называния, а также установления связи между словом, вещью и универсальным понятием; между телом, языком и действием. Сигнификация не просто лингвистическое, точнее, логико-лингвистическое явление, которое наполняет слова понятийным содержанием. Она, связывая слова и вещи, репрезентирует один из важнейших уровней – уровень возникновения и существования значений. Это тот уровень, где происходит встреча слова, вещи и значения, т. е. где определяется их соответствие и задается логика развития. Вследствие этого важным является момент истинности, тождественности, самотождественности.

Однако при этом для Ж. Делёза важно, что классическая оппозиция истина/ложь уже не работает, т. к. она приводит к простой бинарной противопоставленности, центрации с

заранее подразумеваемым привилегированным членом. Для Ж. Делёза это принципиально недопустимо. Именно поэтому в сигнификации «условия истины противостоят не лжи, а абсурду, то есть тому, что существует без значения» [2, с. 32]. В этом плане нонсенс близок оксюмору, для которого тоже в определенных случаях характерна особая связь с сигнификацией. Особенно это очевидно и значимо в первой трети XX ст., открывшего для себя возможность для установления разнообразных отношений между словом, вещью и универсальным понятием. Например, становится возможным *слушать мертвых соловьев* (Н. Гумилёв), вероятным, что *звук в персты прольется* (О. Мандельштам), а *Лебединое пенье / Нежит радугу глаз* (С. Есенин). Равно как вполне допустимо и приемлемо, что *Большая вселенная в люльке / У маленькой вечности спит* (О. Мандельштам).

Более того, Ж. Делез постоянно предупреждает: «Нужно быть очень внимательным к разнообразным функциям и безднам нонсенса» [2, с. 118]. Он неоднороден по своей сущности. Такое понимание нонсенса возможно только в том случае, когда будет преодолена «ошибка логиков». Она, по мнению Ж. Делёза, заключается прежде всего в том, что нонсенс рассматривается логиками как однозначное, изначально заданное понятие. Когда логики говорят о нонсенсе, то «все предлагаемые ими примеры слишком искусственны, надуманны, худосочны; они слишком подогнаны под то, что требуется доказать. <...> Есть какая-то нищета в так называемых логических примерах (за исключением, конечно, Рассела, которого всегда вдохновлял Кэррол)» [2, с. 111]. Логика пренебрегают (или не видят) сложностью и неоднозначностью нонсенса, рассматривая его только на уровне «литературных поисков», т. е. уровне словесно условном, уровне «высочайшего *изобретательства* языков и слов» (курсив наш – Э.Ш.) [2, с. 118], но не более того. Нонсенс для них реализуется только как изобретенное, и вследствие этого, искусственное, смоделированное, заданное, а значит, центрированное явление и состояние, т. е. лишенное истинной, не изобретенной жизни. Он – только высочайшая и мастерская игра, но игра в традиционном смысле этого понятия: игра *на* и *в* рубежах и ограничениях.

Это игра традиционна еще и в том смысле, что кардинально отграничивает и замыкает в самих себе семантические пространства истинно живой, естественной, ничем не заданной и не ограниченной, свободно осуществляющейся жизни от вторичной, использующей живую жизнь, подражающей ей, выстраивающейся по ее аналогам. Принципиально важно то, что «малышка может спеть «Plmpancaille», писатель написать «злопасный», а шизофреник произнести «перпеницательный». Но нет оснований считать, что во всех случаях мы имеем дело с одной и той же проблемой и что результаты здесь вполне аналогичны. Нельзя всерьез путать песню Бабара со сказками-вдохами Арто...» [2, с. 118].

Таким образом, проблемы смысла-нонсенса и «ложной центрации» поворачиваются новым ракурсом: принципиально значимо разграничение соблазнительно сходных, может быть родственных явлений, а также внешне тождественных или даже просто подобных явлений. Главное, во-первых, осознать, ощутить всё это как «грубое сходство» [2, с. 118] – увидеть укорененность этих явлений в различных онтологических, эпистемологических, аксиологических основаниях. Малышка, дети в данном случае, – это символ случайного смысла-нонсенса, точнее его симулякра; символ неумения обращаться с уже существующим смыслом; это поиски как раз традиционного, общезначимого смысла и вхождение в него. Писатель – это как раз и есть пример моделирования, высочайшего изобретательства языков и слов. Последние для писателя – это не истина, боль, страдание, откровение мироздания, а всего лишь атрибут традиционного творческого процесса, реализуемого в «плоском мире» [2, с. 42]. Шизофреник, безумец – это пограничное состояние между «плоским миром» изобретенных слов и живой жизнью. Шизофреник еще не обладает даром нонсенса, т. к. для Ж. Делёза он еще не перестал быть поэтом, каким он был прежде, т. е. безумец просто болен; патологичность – всего лишь нарушение/разрушение значимости и ценности общезаданного, общепризнанного смыслов. И лишь Арто преодолевает «гротескное триединство ребенка, поэта, безумца» [2, с. 117]. Он, своим творчеством, отчаянно и до последнего спаянным с личной жизнью, прорывается к онтологическим основаниям бытия. Именно поэтому для Ж. Делёза важно, причем принципиально важно, разрушение условных, «грубых» рубежей, ограничений и вследствие этого проникновение «в раздоры конвульсивной жизни, в ночи патологического творчества, изменяющего тела» [2,

с. 117]. Именно в семантическом пространстве жизни, не изобретенного, а живого творческого процесса нонсенс обретает, точнее, обнаруживает и обнажает свою подлинную сущность. Именно с такой точки зрения проблема определения нонсенса «носит клинический характер, т. е. это проблема выпадения из одной организации в другую, проблема нарастающей творческой дезорганизации. А также это проблема критики, т. е. проблема определения разных уровней, где нонсенс меняет свои очертания <...>, а язык – измерения» [2, с. 118]. Такой подход к проблеме, предполагающий четкую дифференциацию нонсенса, существующего как явления «изобретенного», «литературного» и как явления «жизни» и «патологического творчества», методологически значимый. Только при таком подходе «нонсенс более не создает смысл, ибо он поглотил все» [2, с. 117].

В этом плане нонсенс, естественно, не отождествляясь с оксюмороном, вновь близко подходит к его семантическому пространству. Во-первых, они соприкасаются через важный и смыслоопределяющий момент игры. Эта игра предполагает не только традиционную игру слов, что роднит их еще с иронией, парадоксом и абсурдом, но и тонкую игру разрушающимися смыслами, что во многом характерно и для абсурда. Это уже игра высшего порядка, которую невозможно спутать с языковой игрой, трактуемой в сугубо риторически-стилистическом смысле. При этом для оксюморона предельно, даже жизненно важные границы, на которых осуществляется его смысловое и эстетическое целое, а для нонсенса – преодоление, окончательная гибель этих границ, когда именно игра вводит и помогает осуществлять действия явно не-игрового характера.

Во-вторых, для оксюморона, как и для нонсенса, тоже крайне значим момент искусственности и стереотипности, а также их преодоления, развития, иногда перетекания в живую жизнь. В качестве примера оксюморонов, искусственных, чрезмерно надуманных и далеких от жизни, по крайней мере художественной и духовной, стоит вспомнить знаменитую пародию Вл. Соловьева на лирику символистов, где фигурирует *льдина огнедышащая*. При этом Вл. Соловьев, по праву считающийся предтечей символистов, знаковой фигурой русского религиозно-философского ренессанса, был чуток к оксюморонности и воплощал её в своем творчестве [15].

В равной мере для оксюморона, как и для нонсенса, важной является идея словесно условного уровня, где не происходит прорыва к настоящей жизни, которая, собственно, и продуцирует аномальность в качестве самостоятельного и самоценного смыслопорождающего источника. Здесь как пример можно вспомнить мучительное и предельно откровенное размышление П.А. Вяземского в письме 1830 г. А.И. Тургеневу, который добивался пересмотра приговора своему брату-декабристу. В частности он пишет: «...если миловать, так миловать скорее тех, которые наказаны de fait, которых жизнь – какая-то **живая смерть**, не политическая, не умозрительная, но положительная смерть, которая родит **живую смерть**, как у Муравьева, Трубецкого <...> наживших или приживших детей, для которых нет будущего <...> кое-как противоестественно сколотить ему [брату] из обломков новую жизнь на старый лад; жизнь для него невозможную, которой сто раз предпочтительнее нынешняя смерть; жизнь, лишенную нравственного и физического охранения, одним словом, необходимого благосостояния» (выделено нами – Э.Ш.) [16, с. 10]. П.А. Вяземский находит единственно возможное определение для состояния многих декабристов, находящихся в Сибири, – *живая смерть*.

Естественно, что для нонсенса важен, в отличие от оксюморона, момент разрушения, а точнее, даже принципиального пренебрежения *мерой предшествующего знания, обманутым ожиданием* (М. Мамардашвили), которые в любом случае несут в себе и через себя память, одновременно соблазн и угрозу, нормативной системы, центрирующего и иерархизирующего сознания. Нонсенс изначально актуализируется относительно ризомности и внецентричности. Его игра строится на принципиально иных основаниях, нежели у оксюморона. Уже в предисловии к «Логике смысла» Ж. Делёз заявляет: «Смысл – это несуществующая сущность, он поддерживает крайне специфические отношения с нонсенсом» [2, с. 13]; вообще отношения смысл – нонсенс сопоставимы со свершившимся «бракосочетанием языка и бессознательного», с неким хаос-космосом. Вследствие этого нонсенс активизируется в своем первичном, «бездонном» и живом, т. е. онтологическом значении. Это тот уровень, где «все случается, действует и подвергается воздействию ниже уровня смыс-

ла и далеко от поверхности» [2, с. 128]. Главное, что это уже тот уровень, где язык, «согласно Гельдерлину, в его двух аспектах – это «знак, свободный от значения». Хотя это и знак, но знак, сливающийся с действием и страданием тела» [2, с. 128]. Это уровень под-смысла, а-смысла, т. е. уровень подсознания в самом широком его понимании. Именно поэтому активизируются понятия, взаимосвязанные с нонсенсом не столько в его первичном или традиционном значении, сколько в онтологическом, представляющем «ужасающий первоначальный порядок». Это понятия события, событийности, тела, языка тела «и так называемой вторичной организации языка», осуществления, желания, времени, измерения. В этом моменте нонсенс и оксюморон принципиально расходятся.

Размышляя о сущности и исторической изменчивости нонсенса, Ж. Делёз настаивает: «Нам не следует сравнивать это с тем, что называется философией абсурда: Кэррол – да, Камю – нет. Ибо для философии абсурда нонсенс есть то, что просто противоположно смыслу. Так что абсурд всегда определяется отсутствием смысла, некоей нехваткой (этого недостаточно)» [2, с. 103]. Вследствие этого Ж. Делёз, кроме «законных» проявлений нонсенса – патология, утраченное/разрушенное тождество, игра смыслом/его отсутствием, те же парадокс и абсурд, – вводит понятие, опосредованно связанное с аномальной реализацией смысла-нонсенса: юмор – манифестация нонсенса, упраздняющая бездну, различие между комическим и трагическим и вводящая совершенно иное измерение существования смысла. Юмор является «соразмерностью смысла и нонсенса» [2, с. 190] в их онтологическом значении. В этом плане нонсенс и оксюморон различны, т. к. последнему принципиально не нужны ни юмор, ни ирония, ни комическое (в их широком, философско-эстетическом или же поэтологическом трактовании) для реализации сложных семантических отношений.

Отличительные черты оксюморона в соотношении с нонсенсом:

1. При общей для оксюморона и нонсенса логической и семантической непредсказуемости последний изначально активно и целенаправленно порождает внесистемные, непредсказуемые ассоциации-«цепочки», которые не преодолевают, не разрушают, а принципиально безразличны к памяти системы и нормы. Оксюморон же «работает» на предельной, дивергентной активизации культурной памяти, особенно таких её составляющих, как информационно-коммуникативная, семантико-эстетическая.

2. Эффект *обманутого ожидания* и *семантической дерзости* в оксюмороне является условием жизненности и жизнеспособности явления в отличие от нонсенса, где данные эффекты так и остаются только эффектами, реализуемыми на уровне эмоционального и семантического (в отличие от абсурда) воздействия на воспринимающее сознание. Причем, несмотря на шок, лежащий в основе этого воздействия, и в оксюмороне, и в нонсенсе, эффект от этого воздействия принципиально различный. Так, для оксюморона характерна активизация максимальной граничности, того, что называется дерзким приближением к ней, погружением в неё, а для нонсенса – опустошенности и семантической гибели, когда даже идеи граничности и переходности становятся принципиально не значащими.

3. Явления процессуальности и игры, взаимосвязанные с идеями децентрации и преодоления жесткой бинарности, во многом объединяют оксюморон и нонсенс, позволяя первому открыть для себя и максимально полно использовать более сложно организованные способы существования и движения смысла, нежели предполагает идея противоречивости. Однако же воплощение этих идей и различает нонсенс и оксюморон. Нонсенс, в отличие от оксюморона, вследствие игры и процессуальности оказывается способен подойти к опасной и соблазнительной черте или, говоря языком Ж. Делёза, последнему рубежу, разделяющему «литературные поиски» и «раздоры жизни». Более того, он способен перейти их. Доказательством тому – житнетекст А. Арто. При этом значимо, что переход от уровня «изобретательства языков и слов» к уровню «жизни» и «творчества, изменяющего тела», незаметен. Нонсенс «глубины» и «бездны», представляющий «ужасающий первоначальный порядок», способен вдруг прорваться и «поглотить все». Для оксюморона это нехарактерно, однако выступает одной из определяющих черт оксюморонности, ставшей знаковым мировоззренческим и поведенческим феноменом Серебряного века.

4. Оксюморон, как и нонсенс, способен к установлению качественно новых отношений с сигнификацией. Однако если для нонсенса связь с логико-лингвистической сущно-

стью сигнификации, определяемой строгим причинно-следственным порядком («от «заключает в себе» до «следовательно»), требует выход на глубинный уровень, где, естественно, только и возможно осуществление Я, Бога, мира и где смысл обнаруживается явно, как таковой, посредством разрыва круга и развертки его вдоль границы между предложениями и вещами» [2, с. 43], то для оксюморона все принципиально по-иному. Оксюморон стремится к активной и предельно открытой игре с сущностью сигнификации, когда строгий причинно-следственный порядок оказывается в соблазнительной близости и угрозе разрушения, не утрачивая при этом ни своей значимости, ни значимости граничности. Оксюморон осуществляет ценностную значимость переходности.

Параметры соотнесения оксюморона и нонсенса:

1. Семантический объем, основа и закономерности реализации смыслового предела, граничности.
2. Роль обманутого ожидания и меры предшествующего знания.
3. Целеполагающие установки игры и процессуальности.
4. Своеобразии развития смысла.
5. Функциональная специфика взаимодействия с сигнификацией.

Список использованных источников

1. Философско-психологические предположения. Школы диалога культур / под общей ред. В.С. Библера. – М.: РОССПЭН, 1998. – 216 с.
2. Делёз Ж. Логика смысла. Фуко М. *Theatrum philosophicum* / пер. с фр. Я.И. Свирского / Ж. Делёз, М. Фуко. – М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.
3. Гужва Ф.К. Фонетика. Лексика. Словообразование / Ф.К. Гужва. – К.: Радянська школа, 1985. – 255 с.
4. Атаева Е.А. Лингвистическая природа, стилистические функции оксюморонов: дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Е.А. Атаева. – М., 1975. – 187 с.
5. Пастухова В.Я. Парадигматическая и синтагматическая связанность компонентов оксюморонного сочетания: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / В.Я. Пастухова. – Ростов-на-Дону, 1980. – 195 с.
6. Литературная энциклопедия / гл. редактор А.В. Луначарский. – М.: ОГИЗ, РСФСР, 1934. – Т. 8. – С. 270–271.
7. Большая советская энциклопедия. – М.: Государственное изд-во «Совет. энциклопедия». – М.: ОГИЗ, РСФСР, 1939. – Т. 43. – 730 с.
8. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1968. – Т. 5. – С. 410–411.
9. Большая советская энциклопедия. – 3-е изд. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1974. – Т. 18. – 600 с.
10. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Изд-во Советская энциклопедия, 1987. – 830 с.
11. Павлович Н.В. Семантика оксюморона / Н.В. Павлович // Лингвистика и поэтика. – М.: Наука, 1979. – С. 238–247.
12. Неретина С.С. Тропы и концепты [Электронный ресурс] / С.С. Неретина. – Режим доступа: <http://www.pfilosophy.ru/libreri>
13. Постмодернизм: энциклопедия / под ред. А.А. Грицанова, М.А. Можейко. – Минск: Интерпрессервис: Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
14. Николис Г. Познание сложного / Г. Николис, И. Пригожин. – М.: Мир, 1990. – 342 с.
15. Манько Ю.В. Оксюморон как метафорический прием анализа духовной жизни и творчества Вл. Соловьёва // Минувшее и непреходящее в жизни и творчестве В.С. Соловьёва: материалы международной конференции (14–15 февраля 2003 г.). – Серия «Symposium». – Вып. 32. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 141–148.
16. Вяземский П. Эстетика и литературная критика / П. Вяземский. – М.: Искусство, 1984. – 458 с.

Уперше порушується проблема основ, принципів та параметрів співвідношення оксюморона та нонсенсу. Доводиться, що у філологічній традиції саме узагальнене визначення оксюморона використовується для зіставлення його з аналогічними поняттями, характерною рисою яких також є алогічність, непередбачуваність, суперечливість: іронія, парадокс, абсурд і навіть нонсенс. При цьому безпосередньо про близькість оксюморона та абсурду в науковій літературі прямо не говорилося. Як показав аналіз, провідними параметрами співвідношення оксюморона та нонсенсу можуть виступати такі: 1. Семантичний обсяг, основа та закономірності реалізації смислової межі, граничності. 2. Роль обманутого очікування та міри попереднього знання. 3. Цілеположні настанови гри та процесуальності. 4. Своєрідність розвитку смислу. 5. Функціональна специфіка взаємодії із сигніфікацією. Проте ця проблема, заявлена у загальних рисах, передбачає подальше дослідження.

Ключові слова: оксюморон, нонсенс, суперечність, смисл, сигніфікація.

In the first article raises the problem of the foundations, principles and parameters of correlation of an oxymoron and nonsense. It is proved that in the philological tradition is generalized definition of an oxymoron is to compare it with similar concepts, a feature which is also a lack of logic, the unpredictability and inconsistency: irony, paradox, and even absurd nonsense. In this case, directly on the proximity of an oxymoron, and the absurd in the scientific literature does not explicitly mentioned. The analysis showed that the leading parameters of an oxymoron and nonsense correlation may act as follows: 1. Semantic scope, framework and laws of the semantic limit, a boundary. 2. The role of the deceived expectations and measures of prior knowledge. 3. Goal-setting and procedural games. 4. The originality of sense. 5. Functional specificity of the interaction with signification. However, it withered in the general problem requires further investigation.

Key words: oxymoron, nonsense, contradiction, meaning, signification.

Одержано 12.09.2013.